

«ЗДРАВСТВУЙТЕ! САДИТЕСЬ!..» ЧТО ДАЛЬШЕ?

*О ТОМ, КАК НАЧАТЬ УРОК
ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ*

СЕРГЕЙ ПЛАХОТНИКОВ,

*руководитель школьной
психолого-педагогической
службы, Москва*

**С чего начинать первые уроки
в новом учебном году?
Со знакомств или с разговоров
о необходимости знаний?
С рассказа о себе
или о пользе учения?
С организационных
вопросов или с лирических
отступлений?.. Решать
приходится каждому
самостоятельно.**

42

Когда я первый раз вошёл в класс в качестве учителя, моя голова была сильно замусорена всевозможными научными штампами: педагогический процесс, организация мышления, образовательная система, самоопределение, культурологические проблемы, методологические основания и т. д.

Будучи студентами педагогического вуза, мы всячески искали путей утверждения своего поприща в написании статей для научных сборников, в проведении и участии в семинарах, образовательных играх; мы манипулировали теоретическими глыбами, подражая тем, кого выбрали в учителя. Учителями же нашими были видные мужи, способные срезать в теоретическом словопрении любого, кто дерзнет не уложиться в «методологические рамки обсуждения образовательных проблем».

Иными словами, мы искали пути оправдания своего юношеского нигилизма и вполне находили их в мудровании с мудрейшими мира сего.

Мудрование с мудрейшими

Но вот я иду с торжественной линейки в класс весь в костюме и цветах. За мной парами вышагивают нарядные лилипуты-первоклашки, опекаемые заботливыми ро-

дителями. Видеокамеры. Фото-вспышки.

Первый урок. Мой первый вопрос вчерашним дошколятам: «Ребята, а зачем вы сюда пришли?»

Сегодня мне стыдно за этот вопрос. Вместо того чтобы начать работать, трудиться, я задал вопрос из своего прошлого опыта, я начал про «самоопределение», не дав ни малейшего основания ребятам вкусить школьного житья, обрести себя в ученичестве.

Весь первый урок активные (даже слишком) московские дети, пытаюсь угадать, что же хочет от них учитель, умничали и мудровали с мудрейшим мира сего.

С чего начать первый урок?

Через четыре года в следующем своем первом классе я попытался начать с совсем другого. Я дал возможность ребятам познакомиться друг с другом: бирочки, фломастеры, булавочки, имена, инициалы. Но после всё же не утерпел и снова спросил: «А вы знаете, зачем вы пришли в школу?»...

СТОЛЕТИЕ НАЗАД

Работая с педагогическим журналом «Ясная поляна», изданным Львом Толстым в 1862 году (к сожалению, вышли в свет всего лишь 12 номеров), я вспомнил о своих «началах». Зачитываясь хрониками жизни сельских учителей, я поражался самоотверженности этих людей и, соотнося их работу со своими «началами»,

убеждался в их неподдельной профессиональной искренности. Видно, что они приходили к детям не для того, чтобы удовлетворять свои философские амбиции, они приходили учить.

Когда я говорю об учительской самоотверженности, я имею в виду немилость, в которую попали учителя сельских школ того времени как со стороны средств печати, общественного мнения, так зачастую и со стороны самого народа. В двенадцатом номере «Русского слова» за 1861 год некий господин Писарев пишет: «... Воспитанию детей посвящают себя обыкновенно те лица, которые по ограниченности ума ни на что другое не способны. Да иначе и быть не может».

До момента создания сельских школ образованием крестьян занимались отставные солдаты или церковные дьячки, поэтому приезд учителя в село и начало обучения имели ещё и конкурентный характер.

Учитель А.Э. приехал в Бабуринскую школу (село находилось в получасе езды от Ясной Поляны). В избу набились родители с детьми, посредника (человека, отвечающего за приглашение учителя) ещё не было. А.Э. подошёл к доске и без лишних церемоний написал буквы.

Учитель вспоминает: «Сначала, не ознакомившись ещё с названиями букв, они произносили тихо и медленно, но потом выкрикивали всё сильнее и шибче. Таким образом были затвержены все

буквы. Правда, крику было много, но в этом крике процесс заучивания совершался так легко, свободно, что я удивился, убедившись, что они, покричав с полчаса времени, выучили Бог знает, каким образом, почти половину букв».

Так сто тридцать шесть лет назад учитель А.Э. начал свой первый урок. Начал с погружения в работу, с обучения грамоте, и ему удалось на первом же уроке научить ребят...

Знаю, что состояние «наученности» мало с чем сравнимо, так как сродни обладанию чем-то новым, доселе не изведанным. «Я научился», – говорит ученик, и это лучший результат похода в школу. Но нам хорошо известно, что от «я научился писать» до «я получил тройку» – всего один маленький шаг, и, как это ни странно, этот шаг может быть сделан учителем уже в самом начале.

Иное начало

Пребывая в образовательной горячке, подогреваемой и администрацией школы, и родителями, учитель становится жёстче и решительней. Широкой и уверенной походкой он входит в класс, бросает журнал на стол и произносит сакраментальное: «Здравствуйте. Садитесь. Я ваш учитель... Детский сад кончился... У меня следующие требования... Вы должны...» И т. д.

Дети затихают. Некоторые сползают под парты, а некоторые

превращаются в струнки, готовые зазвенеть при малейшем к ним прикосновении. Только жужжание мухи и жёсткий голос учителя: «Вопросы есть?» Тянется робкая рука: «А в туалет можно выйти?» Ученики смеются, но учитель уже начал объяснять материал, комментируя записи количеством пропущенных клеток и строчек.

Такое начало производит впечатление не только на учеников, но и на родителей. Более того, если у учителя есть силы следить за выполнением предъявленных требований, его будут уважать... И он многих сможет выучить. Он требователен и справедлив, он не оскорбит ученика и готов объяснять до бесконечности даже самому бесплодному. Вместе с тем учителю будут неведомы «невидимые миру слезы» и головные боли детей и их родителей. Семьи ночами будут выполнять домашние задания, штудировав стихи и басни и заводя новые тетради всякий раз, когда количество пропущенных клеток не будет соответствовать требованию учителя. Но учитель непоколебим.

Почти всегда есть искушение такого начала, особенно у начинающего учителя, напуганного расхожим прогнозом: «Сядут на шею – дисциплины не видать». Порой учитель так и начинает, но позже не выдерживает заданного им же самим темпа, и ученики действительно садятся ему на шею.

Как же начать учить? Познакомиться? Рассказать о себе? Рас-

сказать о пользе учения (при этом беседовать или рассказывать)? Показать то, чему возможно научиться? А может, начать с чуда?

ТАК НАЧИНАЛ АМОНАШВИЛИ

Если перечитать педагогический бестселлер начала 80-х «Здравствуйте, дети!», принадлежащий перу Шалвы Александровича Амонашвили, то мы вспомним, что такое «заочное знакомство».

«Я захватил домой личные дела всех моих детей, – пишет Амонашвили. – Хочу познакомиться с каждым ребёнком. Достаяю фотокарточки из личных дел, раскладываю их на столе. Вот мой класс!» А уже первого сентября он называет своих учеников по имени, разговаривая как с давно ему знакомыми: «Я забыл твое имя. Напомни, пожалуйста!»

Такое начало не только чудесно, но и вводит в работу. Люди давно знакомые могут не тратить времени на договоры о правилах поведения и уж тем более не станут рассуждать о важности и необходимости их общего дела. Они также минуют никчёмный официоз Дня знаний, предполагающий последние дни незнания, и с головой погружаются в работу.

– Садитесь... Я ваш учитель. Поздравляю вас с началом школьной жизни! Наверное, вам не терпится приступить к занятиям. Ну что же, давайте начнём, не теряя ни минуты! Наш первый урок мы посвятим

родному языку. Вы знаете, какой ваш родной язык?

ТАК НАЧИНАЛИ КЛАССИКИ

Проблема начала существует не только в педагогике, это общая проблема искусств, в которых задействованы время, временная протяжённость. То есть начала нет у скульптуры, нет его и у картины, но оно очень живо присутствует в театре, в музыке, в литературе...

Когда писатель начинает свой труд, думает ли он о читателе, которому придется входить в логику произведения, следить за развитием событий? Видимо, да. По свидетельству Вересаева, Лев Толстой восхищался пушкинским началом повести «Гости съезжались на дачу». Графа буквально захватили первые строки:

– Вот прелесть-то! – воскликнул Толстой. – Вот как нам писать. Пушкин приступает прямо к делу. Другой бы начал описывать гостей, комнаты, а он вводит в действие сразу.

И в тот же вечер так начал «Анну Каренину»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских».

Восхищение Толстого понятно. В пушкинских началах рассказчик не даёт времени отдышаться, потому что детали, излагаемые им, столь существенны и понятны, что некогда перевести дух. Масштабы деталей

постоянно меняются: то описывается, во что был одет Иван Петрович Берестов, то строительство дома по собственному плану. То одеяние его конюхов и неприязнь к наводнениям, то удачная операция с опекуном советом.

Увлекательный мир подробностей и обстоятельств, житейская проза, в которой мы все разбираемся вполне, возникают вдруг, неожиданно. Все становится очень понятно, хотя это впечатление обманчиво и требует отдельного исследования, пауз и отступлений.

У Виктора Шкловского в работе «Энергия заблуждения» мы встречаем подтверждение этой мысли. Шкловский пишет: «Когда "Евгений Онегин" начат был Пушкиным строкой "Мой дядя самых честных правил", – то это начало предупреждает не о развязке, а о способе показа материала во всей поэме. Она будет так же неожиданна, как её начало. После такого начала можно делать любое отступление».

Стоит ли учителю начинать с отступлений: со знакомств, с разговоров о необходимости знаний или с вопросов о целесообразности прихода учеников в школу? Или право начать с отступлений лучше уступить ученикам? Стоит ли с первого дня дарить себя в своем философском или административно-командном теле? Или в эти первые дни дать покрасоваться самим отдохнувшим за лето ученикам?

Решать приходится каждому самостоятельно. Но вот Пушкин и Толстой начинали с ходу. И это классические начала, построенные на доверии читателю.